

«При мысли великой, что я человек, всегда возвышаюсь душою»:

к 240-летию со дня рождения В.А. Жуковского.

"Быть человеком" – что значат эти слова для христианина? Что делает нас особенными и непохожими на остальное творение? В. А. Жуковский в своих работах неоднократно поднимает тему самопознания, размышляет над вопросами предназначения человека, его отношениями с природой и Богом. Отчасти, благодаря той глубине, с которой Жуковский рассуждает о человеке, его стихи «прошли веков завистливую даль», по слову А. С. Пушкина. Мы верим, что призваны к святости и обожению, но не можем этого достичь одними только собственными усилиями. Ведь святость – это только реализация потенциала, уже заложенного в человеке. Этот потенциал делает человека особенным, отличающимся от всего творения Божьего. Это зерно, посеянное в сердце каждого – образ Бога. Создавая первого человека из земного праха, Бог дал ему дыхание жизни и, как в землю, насадил в него свой Образ, дал человеку возможность стать подобным Себе. Даже после грехопадения Он своей смертью и воскресением возвращает жизнь своему творению, даёт этому зерну прорасти в полную меру, и с тех пор каждый из потомков Адама может почувствовать в себе это прорастающее семя.

Одним всё это открывается через молитву, другим – через скорби, третьим – на страницах Писания. Однако, иногда люди проходят особенным, уникальным путем. Сам В. А. Жуковский в своих дневниках пишет, что человек приходит к вере вследствие продолжительного рассматривания природы и самого себя, познает Творца через Его творение. Многие приходят к Богу по этому пути, и порой встречаются самые неожиданные примеры...

Одна из таких историй произошла со мной на полевой геологической практике в Ставропольском крае. Мы с другими студентами-геологами должны были картировать северные предгорья Кавказа. Стояла тяжелая южная жара, поэтому днем объявлялась сиеста; все геологические маршруты

мы проходили утром, а вечером под навесами всем лагерем обрабатывали результаты: составляли карты и отчеты.

В один из таких вечеров мы засиделись допоздна с несколькими ребятами. У нашей настольной лампы уже почти разрядился аккумулятор, линии на картах было плохо видно. За спиной догорал костер, и от вечерней прохлады становилось зябко. Мы с одноклассницей Лидой отвлеклись на мигающего светлячка, приземлившегося на полевую книжку: работать уже не хотелось. Лида отложила бумаги и облокотилась на стол. Я потрогал светлячка кончиком карандаша, он поднял надкрылья и улетел. Тут обычно молчаливая Лида повернулась ко мне и серьёзно сказала:

- Я видела у тебя молитвослов. Ты ходишь в церковь?

Я кивнул головой и внутренне подготовился к очередному разговору про неандертальцев или Коперника. Она продолжила:

- Ты не подумай, всё нормально. У меня в школе был одноклассник, который ходил в алтарь. Я как-то попросила у него Библию – просто интересно стало. Меня, правда, хватило тогда только на первые несколько страниц. Ты ведь читал её?

Я честно признался, что читал не всё, но Лиду такой ответ вполне устроил. Она сказала:

- Помнишь, в самом начале говорится про то, как Бог создавал мир: птицы, рыбы, солнце, и потом – человек? Как Он создал человека похожим на Себя?

"Ну всё, – подумал я, – значит точно про неандертальцев (Боже, храни Дробышевского)", а вслух сказал:

- Да, там написано: «по Своему образу и подобию».

- А вот ты сам чувствуешь, что похож на Бога?

Тут я, признаться, растерялся. Разговор явно развивался не по привычному сценарию. Я честно сказал, что никогда не задумывался над этим. И тогда она окончательно сбила меня с мыслей о неандертальцах:

- А я сегодня почувствовала утром на маршруте, когда мы проходили около известняковой скалы. Ведь в Библии написано, что Бог в конце дня смотрел на мир и говорил, что он Ему нравится?

- Он говорил: «Это хорошо» – в конце каждого дня.

- И вот, мы стояли под той скалой и любовались ей, как Бог в Библии. Мы целый час её рассматривали: разные складки, раковины, слои. И с разных сторон она выглядела по-разному. Даже Владимир Палыч любовался, а он ездит сюда каждый год еще с девяностых. Мне кажется, что из-за этого чувства он до сих пор и не бросил работу. Наверное, если Бог и правда нас создал, это умение любоваться у нас от Него...

Лида как будто смутилась из-за своих последних слов и начала собирать карты. Когда она уложила последние листы миллиметровки, то добавила:

- Я, наверное, не буду переводиться с геофака. Доучусь до конца.

Потом она закрыла тубус и ушла в палатку, и я один остался за столом. Костер потух, только светлячки летали над ним, как мерцающие искры. Я закончил карту, обвел контуром реки, перенес рельеф. «Красиво», – подумал я, – хорошо... И сам улыбнулся от этой мысли.

С тех пор приходилось много раз работать на природе, были разные маршруты, экспедиции, и каждый раз в сердце чувствовалась радость от познания мира и его красоты. В то же время сильнее проявлялось чувство внутренней раздвоенности: с одной стороны, ты ощущаешь себя частью природы, а с другой – стоишь особняком и смотришь со стороны, и взгляд этот не статичен.

На природу, на всё творение можно смотреть с трёх разных позиций: первый взгляд – снизу вверх, рождающий трепет и чувство покорности; второй – взгляд изнутри, когда находишься с природой на равных и противостояшь ей; третий – взгляд сверху – это взгляд человека, склонившегося над картой, взгляд исследователя или художника. И, может быть, только человеку, единственному из всего творения Бога, дано смотреть

на мир с такой же любовью и радостью, какая присуща только Творцу, которая уходит своими корнями глубоко во времена шестоднева. Не случайно В. А. Жуковский после рассуждений о красоте мира вкладывает в уста своего героя – язычника Теона – слова: "При мысли великой, что я человек, всегда возвышаюсь душою", после того, как Теон говорит: "Я взором смотрю благодарным,/ на землю, где столько рассыпано благ,/ на полное славы творенье." Эта благодарность помогает герою преодолеть отчаяние после встречи со смертью.

В. А. Жуковский не одинок в своих взглядах на человека. История русской культуры знает целую плеяду талантливых ученых и путешественников, обладающим даром слова: М. В. Ломоносов, В. А. Обручев, И. А. Ефремов, О. М. Куваев. Испытав на себе радость познания мира, они смогли передать эту радость и своим читателям. Даже свое понимание человека они раскрывают через его взаимодействие с природой.

Эти люди особенно остро чувствовали свою причастность к двум мирам, свою связь с землей и одновременно – оторванность от неё. Возникает такое чувство и у людей внутри Церкви. Стоит только вспомнить Павла Флоренского, который с детства интересовался природой и не оставлял своих исследований даже в ссылке; сами за себя говорят телескоп и комплект географических атласов, найденные в келье свт. Феофана Затворника. Описывая эту связь, поэт Арсений Тарковский называет человека: «Два берега связующее море, / Два космоса соединивший мост». В одном человеке соединяются тварь и Творец, образ Бога и прах земной.

Прислушиваясь к собственному сердцу, каждый из нас может расслышать *ту* радость и *то* одобрение: наши сердца отзываются тем же древним «хорошо весьма», когда мы читаем о путешествиях, или когда сами смотрим на предметный столик микроскопа и поднимаем глаза к звездам.

Наверное, Бог вместе со Своим образом вложил в нас и Свою радость о творении, чтобы мы хоть на малую долю могли почувствовать Его любовь к

миру, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин.3,16).